

Кременецькі компаративні студії: [науковий часопис / ред.: Чик Д.Ч., Пасічник О. В.]. – Хмельницький: ФОП Цюпак А. А., 2016. – Вип. VI. – Т.1. – С.157-167

УДК 821.161.1.091:39

Т.Н. Мельник

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФОЛЬКЛОРНОГО ОБРАЗА «ДУРАКА» В ТВОРЧЕСТВЕ В. ШУКШИНА И В РОМАНЕ Б. ВАСИЛЬЕВА «НЕ СТРЕЛЯЙТЕ БЕЛЫХ ЛЕБЕДЕЙ»

Особый интерес писателей к фольклору наблюдается в литературе романтизма. На это неоднократно указывали многие исследователи. В литературе XX ст. обращение к народным истокам можно наблюдать в произведениях так называемой «деревенской прозы». В. Ковский справедливо утверждает, что роман Б. Васильева «Не стреляйте белых лебедей» по идейно-эстетическому звучанию и даже стилистике – вещь, целиком порожденная и выпестованная «деревенской прозой» [3, с. 269]. В. Шукшин и Б. Васильев жили и творили примерно в одно и то же время. Потому неслучайным является тот факт, что многие поступки их героев имеют сходную мотивировку, истоки которой следует искать в фольклоре. Р. Урицкая отмечает, что «...Егор Полушкин, деревенский «дурачок», «бедоносец», стоит «в одном ряду с традиционными в русской литературе, от Достоевского до Шукшина «святыми» чудаками» [7, с. 54].

Цель данной статьи заключается в проведении компаративного анализа образа Егора Полушкина, героя романа Б. Васильева «Не стреляйте белых лебедей», и одного из доминантных типов в творчестве В. Шукшина – образа с «чудика» в контексте дифференциальных черт фольклорного образа «дурака».

В современном литературоведении накоплен большой опыт изучения роли фольклора в истории русской литературы. Исследовано влияние фольклора на становление отдельных литературных жанров, на развитие течений и направлений, на способы создания образов героев (Л. Дереза, А. Киченко, С. Антонова, Д. Герчинська, Т. Давыдова, М. Ионова, М. Тупичекова, Е. Яхненко и др.). Вместе с тем большое значение для современной науки имеет компаративное исследование роли фольклорных традиций в создании образов героев произведений писателей XX века. Тема статьи важна в контексте изучения проблемы взаимодействия фольклора и литературы, а также влияния устного народного творчества на индивидуальный стиль писателей.

Центральной темой фольклора является тема борьбы добра и зла. Положительный герой в народном творчестве всегда является носителем доброго начала. Он противопоставлен представителям темных сил, с которыми часто вступает в неравный бой. Нередко герой-борец за

справедливость воспринимается другими персонажами как странный, чужой этому миру. В сказках ему даже придумали емкое имя «дурак». Как ни странно, но именно дурак оказывается умнее многих других и вознаграждается в конце сказки за свои нравственные качества.

Интерпретацией образа фольклорного «дурака» является придуманный В. Шукшиным образ «чудика». «Чудик» отличается от других героев тем, что он не так мыслит, не так говорит и не так поступает, как остальные. «Чудик» у В. Шукшина способен к поиску истины, к глубинным исканиям, к духовным изменениям, к трудным путям достижения идеала.

Добрая и светлая душа героя вступает в непримиримый конфликт с жестоким внешним миром. Так, Василий Егорыч Князев, герой рассказа В. Шукшина «Чудик», «обладал одной особенностью: с ним постоянно что-нибудь случалось. Он не хотел этого, страдал, но то и дело влипал в какие-нибудь истории» [11, с. 223]. В самолете сосед не хочет разговаривать с Чудиком и этим обижает героя, который делает вывод: «послушать живого человека ему не хотелось». Эпитет «живой» употребляется рассказчиком не случайно, потому что «живая душа» героя противопоставлена другим, омертвевшим душам.

Одним из структурообразующих в произведениях В. Шукшина и в романе Б. Васильева является мотив души, который восходит к устному народному творчеству. Наличие или отсутствие души, то есть нравственного начала, – главный критерий оценки персонажей в фольклоре и в произведениях обоих писателей. В творчестве художников человеческая душа и действительность нередко находятся в противоречиях и диссонансах. Писатели показывают своих героев в момент, когда «тяжко на душе», когда душа «не знает, куда девать себя» (В. Шукшин «Осенью», «Алеша Бесконвойный», «Одни» и др.), когда «не лежит душа, топорщится» и когда «плачет» (Б. Васильев «Не стреляйте белых лебедей»).

Мотив души является сквозным в романе Б. Васильева «Не стреляйте белых лебедей». Мерилом человеческих поступков для Егора Полушкина является душа. О живой человеческой душе он неоднократно говорит своему сыну Кольке: «Стало быть, она все-таки есть, но, видать, у каждого своя. И потому каждый должен уметь ее слушать. Чего она, значит, ему подсказывает» [2, с. 288].

Одноименный герой рассказа В. Шукшина «Чудик», желая сделать приятное жене брата, разрисовал детскую коляску в народных мотивах: «По верху колясочки Чудик пустил журавликов – стайку уголком, по низу – цветочки разные, травку-муравку, пару петушков, цыпляток...» [11, с. 230]. Герой романа Б. Васильева также творчески подошел к покраске лодок: «Вместо казенных черных номеров на небесной сини лодок были ярко намалеваны птицы, цветы и звери: гусенок, щенок, георгин,

цыпленок» [2, с. 224]. Следует обратить внимание на выбор рисунка героями: все это образы-символы народа, тесно связанные с концептами дома, счастья, добра. Выразителями названных начал и были герои произведений. Не поняли такого «сюрприза» ни невестка, ни заведующий лодочной станцией.

Особенностью чудаковатых героев является то, что они не вписываются в действительность. Их нормальные стремления к добру и свету воспринимаются окружающими как нечто аномальное, выходящее за рамки привычных представлений. «Чужачество» является ведущим мотивом в произведениях фольклора. Нашедший яркое выражение в рассказе «Чудик», мотив «чужачества» присутствует и в других произведениях В. Шукшина и в романе Б. Васильева. Например, в рассказе «Залетный» изображен образ народного чудака-философа Сани Неверова, который внезапно задумался о смысле жизни и о человеке. Он вдруг понял, что «человек – это... нечаянная, прекрасная, мучительная попытка Природы осознать самое себя» [11, с. 399]. Тайну жизни он постигает через смерть. «Да здравствует смерть! – восклицает герой. – Если мы не в состоянии постичь ее, то зато смерть позволяет понять нам, что жизнь – прекрасна. И это совсем не грустно, нет...» [11, с. 399].

Чужачеством считают поступок Егора Полушкина жители поселка, когда он все деньги потратил на покупку лебедей, чтобы Черному озеру вернуть название Лебяжье: «Все над Егором потешались: надо же, вместо ГУМов с ЦУМами лебедей приволок! В долги влез, людей обманул, жену обидел. Одно слово – бедоносец» [2, с. 350].

Образ «чудиков» тесно связан с темой труда. Писатели определяют нравственную сущность своих героев по их отношению к труду. Образы народных умельцев созданы во многих рассказах В. Шукшина и в романе Б. Васильева. Умение трудиться поддерживает душевное здоровье человека, помогает перенести жизненные невзгоды. С темой труда связан мотив творчества, мотив одаренности человека из народа.

В рассказе В. Шукшина «Мастер» повествуется о талантливом мастере Семке Рыси, непревзойденном столяре. Восхищенный красотой народного творчества, Семка захотел возродить церковь, доделать то, что не успел древний мастер, но он сталкивается с бездушием и непониманием со стороны советских властей и церковников. Оказывается красота, которую внезапно открыл для себя Семка, не нужна в мире. И это определяет его конфликт с миром. Проезжая теперь мимо талицкой церкви, Семка неизменно молчал и отворачивался: болела душа его за чудо, которое люди так и не сумели оценить.

В галерею талантливых «чудиков» В. Шукшина органически вписывается герой романа Б. Васильева «Не стреляйте белых лебедей» Егор Полушкин. Несколько раз на протяжении произведения автор обращает внимание читателей на флюгер, сделанный мастеровитыми

руками героя. Этим «произведением искусства» любят все приезжие, хваля хозяина дома Федора Ипатьевича и забывая о мастере: «Чудо местного народного умельца, одним топором, представьте себе. Одним топором сработано, как в старину! Ну, правда, чудо это к Федору Ипатьевичу отношения не имел: только размещалось на его доме. А сделал петуха Егор Полушкин» [2, с. 203]. Любую работу Егор выполняет с душой. Даже когда промышляет «шабашкой», он не может подавить в себе желание все делать на совесть: «Сруб глазом окинул: гнилью, однако, еще не тронуло сруб-то, и при умелом топоре да добром взгляде обновить домишко этот труда особого не составляло. Крышу перекрыть да полы перестелить, и вся недолга. Это он думал так, плотницким глазом работу прикидывая. Думал, да помалкивал, потому что это непросто работа была, а *шабашка*, и говорить об истинном размере труда тут не приходилось» [2, с. 275].

Образ Егора Прокудина (киноповесть В. Шукшина «Калина красная») также является своеобразной интерпретацией фольклорного образа «дурака», который в творчестве В. Шукшина трансформировался в образы «чудиков». Егор Прокудин живет странно и непонятно, его поступки порой лишены логики и всяческого смысла, перед ним предстает множество дорог, из которых он должен выбрать одну единственно правильную дорогу. В своем поведении и в речи герой нередко дурачится, играет, представляя себя даже хуже, чем он есть на самом деле (например, в сцене первой встречи с родителями Любы и с ее братом Петром). Но в монологе на «празднике жизни», организованном героем в городе, Егор говорит: «Но поймите, что я не глупый, не дурак» [10, с. 331].

Важное значение для понимания главных героев киноповести В. Шукшина «Калина красная» и романа Б. Васильева «Не стреляйте белых лебедей» имеет их имя – Егор, которое, как отмечает исследователь Хонг Сан У, «созвучно слову «горе» – этим сходством автор указывает на трагичность образа» [9, с. 94]. По нашему мнению, здесь не простое созвучие слов. Сочетание «Егор-Горе» отнюдь не случайно и восходит к произведениям фольклора, где образ горя является традиционным символом человеческого несчастья, недоли. В устном народном творчестве образ горя может конкретизироваться, приобретать весьма определенные черты (герой встречается с горем, несет его, разговаривает, теряет и т.п.). Горе в устном народном творчестве – это испытание для тех «молодцев», которые нарушили заповеди родителей, решили жить своим умом. Эта трактовка образа горя нашла отражение в древнерусской «Повести о Горе-Злосчасти». Фамилия Прокудин дополняет мотив горя, так как прокуда – это беда, горе. А фамилия Полушкин имеет значение «самая маленькая монета, ¼ копейки (с XVII века, первоначально полденьги)» [8, с. 319], что в общем-то тоже можно интерпретировать как беда, несчастье.

Губошлеп объясняет, как появилось прозвище «Горе» у Егора Прокудина (В. Шукшин «Калина красная»). И это объяснение обращает читателей к фольклорному мотиву «мыкать горе», то есть нести тяжелый крест, не иметь счастья на земле: «Я вспоминаю один весенний вечер... – заговорил Губошлеп... – В воздухе было немножко сыро, на вокзале – сотни людей... Все люди взволнованы – все хотят уехать. И среди этих взволнованных, нервных сидел один... Сидел он на своем деревенском сундуке и думал горькую думу. К нему подошел некий изящный молодой человек и спросил: «Что пригорюнился, добрый молодец?» – «Да вот ... горе у меня! Один на земле остался, не знаю, куда деваться» [10, с. 299]. Егор Полушкин (Б. Васильев «Не стреляйте белых лебедей») кроме говорящих имени и фамилии, имеет еще и прозвище «бедоносец»: «Егора Полушкина в поселке звали бедоносцем. Когда утерялись первые две буквы, этого уже никто не помнил...» [2, с. 201]. А горе-беда – это понятия, сходные между собой по значению.

Н. Биличенко пишет: «Добрый молодец Егор на своем жизненном перекрестке встретился со злом, надевшим личину добра и участия и соединил с ним свою судьбу. Выбор был ложным, не отвечающим нравственной трудовой природе героя. Его драма и раскрывается как трагическое несоответствие масштабности личности ее жизненному пути, ее возможностей – жизненной реализации» [1, с. 98]. Позже на вопрос Любы о том, есть ли у него родные, Егор Прокудин ответил: «Нет, я сиротинушка горькая. Я же писал. Кличка моя знаешь какая? Горе» [10, с. 310].

Фольклорное происхождение образов героев подчеркивается устойчивыми народными формулами: «добрый молодец», «пригорюнился», «думать горькую думу», «сиротинушка горькая» (В. Шукшин), «горестно вздыхал», «горевал сильно», «мыкался», «сиротиночки мы» (Б. Васильев). Вместе с тем можно отметить, что писатели, используя традиционный символ горя, несколько изменяют его трактовку. Герои считают «горем» одиночество, нереализованность своих потенциальных возможностей и то, что они не знают, куда деваться, то есть, как использовать свои силы. Таким образом, традиционный образ горя позволяет писателям проникнуть в сущность трагедии современного человека – это его духовное одиночество и отсутствие реализации.

С внутренней нереализацией, душевным одиночеством связана драма героев. Но пробуждение в их душах новых сил дает им импульс для новой жизни, открывает мир по-новому. Ключевым моментом в духовном развитии Егора Прокудина является первая борозда в его жизни, а Егор Полушкин реализует свои умения в работе лесничим. Герои находят применение своим силам и истинную свободу в труде.

Егор Прокудин называет себя при знакомстве с родителями Любы Георгием. Егор Полушкин заворуженно смотрит на картину в доме

директора школы, на которой изображен Георгий Победоносец: «Вся картина горела яростью, и конь был необыкновенно гордым и за эту необыкновенность имел право быть неистово красным. Егор и сам бы расписал его красным, если б случилось ему такого коня расписывать, потому что это был не просто конь, не сивка-бурка – это был конь самой Победы» [2, с. 351].

Имя Георгий в русском фольклоре является значимым. «Весенний праздник Георгия – 23 апреля отмечался ... как рубеж скотоводческого календаря: в этот день впервые выгоняли скот на пастбища, закалывали первого весеннего ягненка, пели особые песни...». Георгий в устном народном творчестве является так же «змееборцем», «он отвращает от человека и домашних животных змей» [5, с. 145].

Не могли герои находиться в постоянном горестном состоянии, потому их душа просила веселья и ощущения полноты жизни. Егор Прокудин устраивает в городе «праздник жизни», собрав совершенно чужих ему людей. Но чужие люди, которые не понимали душевных движений Егора, плохо пели, они «все спутали и погубили». Егор махнул рукой и ушел в другую комнату, сказав напоследок: «Валяйте любую. Не обижайтесь, но я больше не могу с вами. Гуляйте. Можете свой родной «камыш» затянуть» [10, с. 335]. После неудачной продажи мяса Егор Полушкин тоже устраивает праздник, на который собираются жители поселка: «К вечеру Харитина поросычьей утробы нажарила, напарила и на стол выставила. Егор в чистой рубахе в красном углу сидел: слева – подарки, справа – поллитры» [2, с. 255]. Застолье завершилось песней, которую затянула жена Егора Харитина: «Всхлипнула Харитина. Подперла щеку рукой, пригорюнилась, как положено, и... И опять двинуло ее совсем не в ту сторону» [2, с. 257]. Герои ищут согласия и понимания со всем миром, поэтому и устраивают большой праздник. Но это не избавляет их от духовного одиночества и непонимания.

Традиционный мотив «встреча героя со смертью» актуализируется в финале обоих произведений и звучит грозно и трагически. Егор Прокудин погибает от руки рецидивиста, а Егор Полушкин умирает в больнице от травм, полученных от свояка и его товарищей, но их смерть – это торжество новой жизни, которую, наконец, познали герои. Поэтому, умирая, они воплощают идею победы над смертью и над силами зла.

Трагичность смерти Егора Прокудина подчеркивается пейзажем. Он умирает в березовом лесу, который так восхищал его и давал ему жизненные силы: «На березках оставались ярко-красные пятна» [10, с. 361]. Контраст цветов позволяет В. Шукшину раскрыть конфликт души героя, стремящегося к чистоте и свету, с миром, где еще властвуют силы зла. Но, несмотря на то, что Егор Прокудин умирает, моральная победа остается за героем. Он уверенно отвергает все предложения Губошлепа, оставаясь верным нравственному выбору. Последние слова умирающего

Егора о матери и о Любе («Деньги... У меня в пиджаке... раздели с мамой...» [10, с. 362]) свидетельствуют о том, что даже смерть не может отобрать у него те духовные ценности, к которым он трудно шел всю свою жизнь. Егор Прокудин, в котором произошло чудесное преображение, совершает нравственный подвиг: он победил темные силы в своей душе и в мире, выйдя, наконец, к свету.

Перед лицом смерти прощает своих обидчиков Егор Полушкин, он не выдает их следователю, потому что помнит сформулированную им же прописную жизненную истину о том, что «злоба злобу плодит», а «от добра добро рождается». Доживая последние минуты, он как бы прозревает: «И, улыбаясь так, он как-то очень просто, тихо подумал, что прожил свою жизнь в добре, что никого не обидел и что помирать ему будет легко. Совсем легко – как уснуть» [2, с. 357]. С Егором происходит настоящая метаморфоза: «бедоносец» превращается в победителя, хотя всеобщее зло и не уничтожено. «А Егор опять закрыл глаза, и опять мир широко раздвинулся перед ним, и Егор перешагнул боль, печаль и тоску. И увидел мокрый от росы луг и красного коня на этом лугу. И конь узнал его и заржал призывно, приглашая сесть и скакать туда, где идет нескончаемый бой и где черная тварь, извиваясь, все еще изрыгает зло» [2, с. 358]. Согласно фольклорной традиции конь – символ мужского начала, силы, свободной стихии, удали. Конь – «воплощение связи с миром сверхъестественного, «тем светом», «связан одновременно с культом плодородия, смертью и погребальным культом» [6, с. 245].

Писатель не отбирает у Егора Полушкина надежду на то, что «от добра добро рождается», так как перед смертью он видит, как «по небритому, черному лицу» растроганного Федора Ипатовича «текли слезы». Как справедливо замечает А. Марков «Наверное, в этом и состоит миссия искусства — через боль, скорбь, сострадание не дать погибнуть душе человеческой» [4, с. 36]. Исследователь не без основания утверждает, что «не случайно герои Васильева — это люди, олицетворяющие честь и совесть, жертвенность и нестяжательство, способные вступать в резонанс с болью мира, утверждающие добро и сокращающие пространство зла. Человек, не умеющий видеть зло, безоружен перед ним, и лишь на основе различения добра и зла совершается осознанный выбор личности и формируется ее духовно-нравственный стержень» [4, с. 38].

Итак, образы «чудиков» у В. Шукшина и образ Егора Полушкина у Б. Васильева являются своеобразной интерпретацией фольклорного образа «дурака». Вместе с тем, природа этого образа гораздо сложнее и многограннее. Именно в труде, именно в связи с деревней, с землей, с народными истоками герои писателей не теряют в себе нечто важное, а наоборот – обретают его. Главное – это отношение к труду, а это уже философская проблема, которая неоднозначно исследуется в произведениях писателей. В структуре шукшинского «чудика» и в образе

Егора Полушкина Б. Васильева категория труд является одной из составляющих. «Чудик» не ищет легкой жизни, легкого хлеба, наоборот, он готов трудиться для других, совершать добрые поступки, но вся трагедия его в том, что его порывы, его трудовая активность не нужны миру, где господствуют прагматические интересы, где нужно как-то устроиваться. А «чудик» устроиваться не умеет. Он не умеет «жить» по аморальным законам, когда не ценится ни труд, ни живая душа. В этом его и беда, и его трагедия. Образы героев произведений писателей насыщены реальным трагизмом, который испытывает человек XX века на пути к духовному совершенствованию.

Список использованной литературы

1. Биличенко, Н.А., "Структура характеров в прозе В. Шукшина". *Структура литературного произведения*. Ленинград: Наука, 1984: 83-101.
2. Васильев, Б.Л. *Избранные произведения*. Т. 2. Москва: Художественная литература, 1988.
3. Ковский, В. *Литературный процесс 60-70-х годов*. Москва: Наука, 1983.
4. Марков, А.П., "Борис Васильев: миссия слова и масштаб личности". *Васильевские чтения: научно-практическая конференция, посвященная 90-летию со дня рождения писателя Бориса Васильева (2014)*: 34-40.
5. Мелетинский, Е.М., ред. *Мифологический словарь*. Москва: Советская энциклопедия, 1990.
6. *Славянская мифология: Энциклопедический словарь*. Москва: Международные отношения, 2002.
7. Урицкая, Р.Л., "Образ советского человека в произведениях Бориса Васильева". *Васильевские чтения: научно-практическая конференция, посвященная 90-летию со дня рождения писателя Бориса Васильева (2014)*: 54-57.
8. Фасмер, М. *Этимологический словарь русского языка*. Т.3. Москва: Прогресс, 1987.
9. Хонг Сан, У., "Художественные образы В.М. Шукшина в свете концепции человеческой жизни как «дороги»". *Шушкин В.М. Жизнь и творчество: Материалы 5 Всероссийской юбилейной научной конференции («...Горький, мучительный талант»)* (2000): 83-100.
10. Шушкин, В.М. *Собрание сочинений*. Т. 3. Бишкек: Венда, 1992.
11. Шушкин, В.М. *Собрание сочинений*. Т. 4. Бишкек: Венда, 1992.

Мельник Т.М. Інтерпретація фольклорного образу «дурня» в творчості В. Шукшина і в романі Б. Васильєва «Не стріляйте білих лебедів»

У статті розглядається роль фольклорних традицій у створенні образів героїв, зокрема зосереджується увага на особливостях художньої інтерпретації В. Шушкиним і Б. Васильєвим фольклорного образу «дурня». Проведений компаративний аналіз

образу Єгора Полушкіна (Б. Васильєв «Не стріляйте білих лебедів») та одного з доміантних типів у творчості В.Шукшина – образу «чудика» в контексті диференційних рис фольклорного образу «дурня».

В основу компаративного аналізу покладено дослідження комплексу моральних якостей героїв: ставлення до сім'ї, праці, землі, людей і природи. Зосереджено увагу на художній трансформації фольклорних образів, яка спричинена хронотопом творів та їхньою соціальною проблематикою. митці змінюють фольклорний ореол художніх образів, співвідносять їх з питаннями сучасності. Традиційний образ «дурня» наповнюється в творчості митців новим змістом. Письменники наголошують на моральній перемозі героїв над злом, поетизуючи людину праці та її активну життєву позицію. І хоча герої не перемагають зло, їхня моральна чистота є незаперечною.

Для створення образів митці використовують арсенал фольклорних тем і мотивів (душі, духовності, праці, творчості, обдарованості, самореалізації, свята, самопожертви тощо) та фольклорні усталені вирази, які пов'язані з концептами дому, щастя і добра. Індивідуальний стиль письменників вирізняється простотою, щирістю, довірливістю, увагою до проблем простої людини з народу.

У статті робиться висновок про необхідність духовного відродження сучасної людини, що і становить головну думку творів В. Шукшина та Б. Васильєва. Тема наукової розвідки важлива в контексті вивчення проблеми взаємодії фольклору й літератури.

Ключові слова: традиційний образ, фольклорні мотиви, індивідуальний стиль, концепт, інтерпретація, символ.

Melnyk T.M. Interpretation of the folk image of the “fool” in V. Shukshyn’s creative work and in the novel «Do Not Shoot White Swans» by B. Vasilyev

The article deals with the role of folk traditions in the creation images of the hero specifically by concentration on features of imaginative interpretation of folk image of the “fool” by V. Shukshyn and B. Vasilyev. Comparative analysis of image Yegor Polushkin (B. Vasilyev «Do Not Shoot White Swans») and one of the most dominated types in V. Shukshyn’s creative work – image of «chudik» in the context of differential features of folk image of the fool are done.

Research of the complex moral qualities of the hero: his position on family, work, ground, people and nature are the base of comparative analysis. Transformation of folk images which are the result of chronotope of the pieces and its social problems is paid much attention.

Writers change folk halo of image, compare its with the present questions. New content appears in traditional image of the "fool". Writers accentuate on the hero's moral victory over evil. They promote working people and they active life position. Heroes don't win evil but their moral innocence is out of the questions.

Arsenal of folk topics and motives (soul, spirituality, work, creation, cleverness, self-actualization, holiday, self-sacrifice etc.) and folk sustainable expressions which connected with concepts home, happiness and kindness are used in the creation of images. Writer's individual style differs by simplicity, sincerity, credulity, attention to the problems of simple person from the folk.

Conclusion about necessity of modern person’s regeneration which also is the main idea in V. Shukshyn’s and B. Vasilyev’s pieces is done in this article. The topic of investigation of this research paper is important in studying the problem of interface between folk and literature.

Keywords: traditional image, folk motive, individual style, concept, interpretation, symbol.